

ВОЙНА МЫШЕЙ и ЛЯГУШЕК

(БАТРАХОМНОМАХИЯ)

Перевод с древнегреческого,
вводная статья
и комментарии
М. С. АЛЬТМАНА

А С А Д Е М І А

1936

ВОИНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

Век миновал эпических поэм.

М. Термонтов

Фабула «Батрахомиомахин» весьма несложна. Мышонок Крохобор, только что спасшийся от зубов ласки, бежит к болоту напиться. Здесь он встречается с царем лягушек Вздудомордой и вступает с ним в разговор. Лягушка приглашает мышь к себе во дворец, общая перевезти ее туда через болото на собственной спине. Мышь соглашается, садится на спину лягушки, и они отправляются. Необычность путешествия вначале восхищает мышь, но радость ее непродолжительна. Внезапно появляется гидра. Испуганный лягушонок спускается на дно, бросив на произвол судьбы беспомощную мышь. Мышь тонет, призывая перед смертью месть богов на виновника своей гибели. Месть не замедляет. Видевшая все это с берега мышь Блюдолиз возвещает мышиному племени о злополучном конце Крохобора и коварстве Вздудоморды. Созывается мышинная сходка, на которой решено идти войной на лягушек. Мыши вооружаются. Оповещенные об этом лягушки вооружаются с своей стороны. Боги на Олимпе, наблюдая происходящее на земле волнения, встревожены, но Афина Паллада советует не вмешиваться в войну, и боги остаются лишь ее зрителями. Война между тем разгорается; мышиные и лягушечьи герои совершают замечательные боевые подвиги, победа склоняется то на ту, то на другую сторону, пока, наконец, храбрейший мышиный витязь Блюдоцап не обращает лягушек в бегство, угрожая истребить все их племя. Тут вмешивается Зевс; он хочет послать на подмогу лягушкам Афины или Арея. Но Арей считает, что это ему не под силу. Зевс хватается за свои перуны, но перед натиском мышей

оказываются бессильными и они. Тогда Зевс посылает на мышей новых врагов — морских раков. Раки, наконец, обращают мышей в бегство, и бой к концу дня угасает.

Такова фабула «Батрахомиомахии», элементарная простота которой находится в полном контрасте со сложной и пышной формой, в которую облечен ничтожный сюжет. По форме «Батрахомиомахия» — поэма, и не просто поэма, а эпико-героическая — наподобие «Илиады» и «Одиссеи». От этих высоких образцов она заимствовала все свои внешние атрибуты и формальные особенности. Она написана в стихах, торжественнейшим из размеров — так называемым героическим гекзаметром.* Имена бойцов и их родословные, высокопарные речи действующих лиц, вмешательство богов, воззвание певца к музам, мифологические реминисценции, пространные описания боевых эпизодов и, наконец, лексика памятника, его словарный материал (стандартные эпические формулы) — все должно было дать читателю иллюзию, что он имеет дело как бы с одной из поэм Гомера.

При этом гомеровское облачение поэмы не было со стороны автора «Батрахомиомахии» какой-либо мистификацией; это диктовалось ему самой задачей поэмы — задачей, состоявшей в том, чтобы резким контрастом формы и содержания вызвать больший комический эффект; прием — обычный для литературных пародистов всех времен. Но внешнее сходство между пародией и пародируемым образцом в данном случае было столь велико, что дало повод на протяжении ряда веков приписывать поэму самому Гомеру. Это, разумеется, неверно. Ибо, если со времени Вольфа (1795 г.) даже для «Илиады» и «Одиссеи» авторство Гомера взято под сомнение и само имя Гомера стало только условным обозначением, то тем более имя это не может быть приложено к «Батрахомиомахии». Даже если, стоя на крайне-унитаристической точке зрения, допустить, что Гомер — конкретное историческое лицо, единый автор или редактор «Илиады» и «Одиссеи», то и тогда пародист этих поэм все же не может быть идентичен с этим «Гомером». И не только потому, что автор «Войны» оказался бы пародистом на самого себя (такие случаи, хотя и немногочисленные, в истории мировой литературы известны), но и потому, что некоторые данные, заключающиеся в самой «Батрахомиомахии», явно выдают ее более позднее происхождение. Так, уже в самом начале нашего

* Шестистопный дактиль с пезурой, преимущественно на третьей стопе, по схеме: $\angle \cup \cup \cup \angle \cup \cup \mid \angle \cup \parallel \cup \mid \angle \cup \cup \mid \angle \cup \cup \mid \angle \cup$.

памятника мы находим указание на то, что автор свою поэму *писал* (ст. 3), а письменность эпосу Гомера, как известно, совершенно чужда.* Не соответствует времени гомеровского эпоса и имсущееся в пародии упоминание о петухе (ст. 192), который в Греции появился не раньше VI века до н. э.** Уже эти два признака сами по себе были бы решающими, но о более позднем времени «Батрахомиахии» говорит и то, что наш памятник предполагает пародируемый им эпос уже широко известным, больше того — успевшим до некоторой степени даже приесться, так что от эпоса Гомера до возникновения пародии на него должно было пройти некоторое время. Поэтому приписывать «Батрахомиахию» Гомеру невозможно, и в настоящее время ни один исследователь этого памятника авторство Гомера не отстаивает. Теперь упоминание о Гомере при анализе «Батрахомиахии» служит лишь трамплином, от которого исследователи только отталкиваются, однако, по нашему мнению, подчас слишком далеко. Так, например, некоторые исследователи относят этот памятник ко времени Александра Македонского,** а другие идут еще дальше, датируя его третьим веком до нашей эры.

Эти поздние датировки представляются нам сомнительными. Возможно, конечно, допустить, что на ряду с усиленным интересом к гомеровскому эпосу со стороны александрийских поэтов и ученых, выразившимся, между прочим, и в критическом изучении эпоса Гомера александрийскими грамматиками, этими первыми специалистами-гомероведами, имела место одновременно и реакция обратного порядка. Однако эта реакция должна была иметь мишенью не столько самого Гомера, сколько его чрезмерно кропотливых толкователей и комментаторов, а о них нет ни малейшего намека в нашей поэме. Трудно допустить, чтоб в александрийской поэме, пародирующей Гомера, не были задеты, хотя бы невзначай, современные поэме гомеровские комментаторы. Кроме того, эллинистическая поэзия во всех своих жанрах выявляется как поэзия «ученая», блещущая эрудицией, особенно в области мифологии, — в «Батрахомиахии» же подобной александрийской учености мы не находим никакого следа; напротив, поэма поражает нас свежестью и непосредственностью, в сравнении с александрийской поэзией она кажется молодой и наивной. И если, с одной сто-

* Единственное упоминание о письменности в «Илиаде» (VI, 168—170) признается большинством исследователей Гомера позднейшей вставкой.

** См. Гелл, Культурные растения и домашние животные.

*** См., например, Herwerden, Mnemosina, X, 163.

роны, «Батрахомиомахия», вне всякого сомнения, не является хронологической ровесницей «Илиады» и «Одиссеи», то, с другой стороны, весьма сомнительно, чтобы она могла быть ровесницей литературных произведений александрийских эпигонов.

Наиболее вероятным мы считаем датировку, которой придерживается большинство современных исследователей, а именно — эпоху греко-персидских войн (первая четверть V века до н. э.). * Приурочение нашего памятника к этой эпохе бросает на него новый свет. На фоне этих еще всем памятных войн, в которых решалась вся судьба Греции, «Война мышей и лягушек» приобретает характер гораздо более значительный, чем литературная пародия: она становится *историческим памфлетом*. С этой хронологией хорошо согласуется и античная традиция, сообщаемая нам Плутархом, по которой автором «Батрахомиомахии» был некий Пигрет, брат или сын Артемизии, ** той самой Артемизии из Галикарнаса, которая в битве при Саламине сражалась с флотом на стороне персов. Это обстоятельство нужно особенно отметить. Античная традиция приписывает «Батрахомиомахию» лицу, которое, хотя и было эллином, но менее всего эллинским патриотом. Только такое лицо и могло дать на греческом языке произведение, так насмешливо трактующее греко-персидские войны. При том ореоле, каким в Афинах были наделены марафонские и саламинские войны, трудно допустить, чтоб афинянин решился трактовать их как мышей или лягушек. Но так вполне мог трактовать их тот, кто, будучи эллином, воевал против эллинов. Отсутствие других, решающей достоверности, свидетельств не позволяет нам остановиться на указанном Плутархом лице как на бесспорном; но во всяком случае это указание ориентирует нас в наиболее правильном направлении, тем более, что и другие данные хорошо согласуются с хронологией Плутарха. Петух, который так некстати зашел в «гомеровской» «Батрахомиомахии» (см. выше), вполне уместен при датировке нашего памятника временем похода Ксеркса: именно в это время петух появился в Греции, и как раз оттуда, откуда пришел и сам Ксеркс: из Персии. Никаких недоумений не вызывает при этом и указание автора поэмы, что он ее *написал*: в это время

* См., например, W. Christ, *Geschichte der griechischen Literatur* (1889), § 57.

** Плутарх, Эпиграфике Геродота, § 43. На Пигрета как на автора «Войны мышей и лягушек» указывает и лексикограф Свид, который хотя сам был поздним автором (X век н. э.), но имел в своем распоряжении древние источники до нас не дошедшие.

он уже мог сделать это. За эту хронологию говорит, наконец, и то, что сочетание в одном произведении литературной пародии (на гомеровский эпос) и исторического памфлета (на греко-персидские войны) могло быть наиболее действенным именно в начале V века до н. э.: только сравнительно незадолго до этого, во второй половине VI века, эпические тексты были заново упорядочены и канонизированы государством,* а греко-персидские войны были еще в памяти у всех. Поэмы Гомера и память о греко-персидских войнах были в это время не только героическими преданиями, но и актуальными проблемами, и выступление против них, смелая переоценка только что канонизированных ценностей, были не невинной литературной забавой, но актом социального мужества.

Хотя, за отсутствием свидетельств, мы не располагаем никакими сведениями о воззрениях автора «Войны», однако до некоторой степени мы можем заключить о них из самого произведения. Против кого, собственно, направлена пародия Пигрета (будем условно называть нашего автора так)? Против Гомера, отвечают обычно. Но какого Гомера? Того ли, который уже в первой песне «Илиады» со смехом рассказывает о том, как бессмертные ссорятся между собой не хуже любого смертного?** Того ли, который рисует нам более чем соблазнительную сцену, как Афродита, пользуясь отсутствием мужа, изменяет ему с Ареем и как Гефест застигает их на месте преступления и призывает всех богов в свидетели прелюбодеяния своей жены?*** Словом, того ли Гомера, которого уже сама древность упрекала в кощунстве над богами? Нет, с *этим* Гомером наш автор менее всего не в ладу. Он против другого Гомера, — прилаженного и приглаженного, в значительной степени даже фальсифицированного,**** который в древности был приспособлен столь же искусно ad usum tyranni, как в новое время ad usum dophini.***** Вот против *этого* Гомера, певца богов и «боже-

* Мы имеем в виду тот свод «Илиады» и «Одиссеи», который был произведен в Афинах при Пизистрате (550—527 до н. э.).

** «Илиада», I, 540—594.

*** «Одиссея», VIII, 266—360. Известный гомеровед Кауер очень тонко подметил, что уже в «Одиссее» мы имеем ряд мест, явно пародийных по отношению к «Илиаде» (Cauer, Grundfragen der Homerkritik, Leipzig, 1909, S. 421).

**** Современное гомероведение установило целый ряд мест в «Илиаде» и «Одиссее», вставленных при Пизистрате; знала об этих вставках и сама античность.

***** Чтобы не ходить за далекими примерами, напомним о том, как «осмысляет» Гомера наш лучший переводчик «Илиады» — Гнедич. Посвящая свой перевод Николаю I, он в посвящении считает необходимым указать, что «Гомер —

ственных» базилевсов, наш автор действительно ополчается, *этого* Гомера он подлинно пародирует, и пародирует с исключительным искусством и тактом. Чуть заметным звуковым сдвигом, легчайшим и как бы печальным изменением имени героя обращает он «богоравных» в твареподобных, величайшего гомеровского героя Пелида (Ахилла) смешивает с «болотом», обращая его в Грязи́бо. * Наподобие Гомера Пигрет вкладывает в уста своих «героев» их родословные, но эти родословные свидетельствуют, что их обладатели — вполне достойные потомки своих вороватых и разбойничьих предков. Автор «Войны мышей и лягушек» развенчивает так называемую *героическую* войну, показывает нам все ничтожество, всю мелочность и алчность Хлебохватов, Сластолизов, Блюдоцапов.

Трудно раскрыть намеки в произведении, которое отделено от нас двумя с половиной тысячами лет, но не лишено вероятия, что в свое время под каждой отдельно характеризованной мышью или лягушкой скрывалось определенное лицо. ** Это, однако, не мешало тому, чтобы звериные маски, созданные автором «Войны», оказались столь типичными и характерными, что ими, при соответствующих ситуациях, можно было пользоваться много веков спустя после того, как они возникли. Так, могли ими пользоваться уже в самой античности; сослужив свою службу при греко-персидских войнах, «мыши» и «лягушки» могли вновь очень скоро пригодиться при Пелопонесской войне: и на этот раз афиняне, как представители морской державы, могли быть уподоблены лягушкам, а «сухопутные» спартанцы — мышам.

Острые «Войны» направлено не только против «божественных» героев, но и против самих богов. «Война мышей и лягушек» есть одновременно война ее творца против всех и всяческих богов, которых он разит страшнейшим из орудий — смехом. *Гомерический* смех, которым в эпосе Гомера наделены «вечносмеющиеся» олимпийцы, здесь направлен против них самих. В самом деле, что мо-проводник истины, оправданных тысячелетиями, бескорыстный защитник святости власти царственной и благодетельного единоначалия...»

* На греческом языке здесь игра слов, о значении которой см. примечание к ст. 19.

** Под мышами, вероятно, подразумевались персы: напомним, что, по сообщению Геродота (VIII, 133—135), главноначальник персидских сил Мордоний в качестве посла к оракулам выбрал человека по имени Мышь. Под лягушками, видимо, разумелись эллины, главным образом — афиняне. «Лягушка» в качестве собственного имени афинянина засвидетельствовал Лисий (6, 45, 12, 48). Уместно вспомнить здесь и «Лягушек» Аристофана, изобилующих множеством намеков на афинян.

жет быть, например, смешнее Афины, жалующейся на то, что мыши выпивают ее масло, съедают приносимый ей жертвенный жир, оципывают посвященные ей венки и, в довершение всего, изгрызли ее — неутомимой ткачихи — плащ. Теперь, жалуется она, ее плащ весь в заплатах, а сама она вся в долгах. Это хуже, обиднее, чем сумерки богов, — такое их обнищание. Но автор этим не ограничивается; стрелы его насмешек продолжают сыпаться, и ни одна не бьет мимо. Осторожная Афина советует богам не вмешиваться в земные распри, так как «и богу не будет пощады»: тут уже не до жиру, не до прежних гомеровских жертвоприношений — быть бы живу. С ее советом соглашается весь сонм богов. Олимпийцы удаляются в безопасное место. Но и в отдалении они чувствуют себя не совсем спокойно. При появлении нового удальца в стане мышином Зевс начинает побаиваться, как бы его самого не прибили, и хочет послать в помощь лягушкам Афины или Аррея. Но Аррей, бог войны, предусмотрительно уклоняется; он советует Зевсу лучше прибегнуть к его испытанному оружию — громам небесным — и при этом, не без ядовитости, напоминает, что этими громами Зевс некогда покорял гигантов и титанов... От титанов до мышей — таков бесславный путь «отца богов и людей», такова эволюция отношения к богам от Гомера до его пародиста. Старые перуны Зевса теперь не пугают даже мышей, и раки оказываются более могущественными, чем весь сонм олимпийцев с верховным Зевсом во главе.

Более беспомощных, более детски смешных богов не знает мировая литература. В этом отношении автор «Войны мышей и лягушек» — первый представитель того атеистического направления в древнегреческой художественной литературе, одним из последних представителей которого был самый блестящий атеист древности, автор «Диалогов богов», античный Вольтер — Лукиан.

Но если Лукиан является поздним и отдаленным литературным потомком автора «Батрахомиахии», то, исходя из принятой нами датировки памятника, его ближайшими литературными соотечественниками оказываются холиямбы («хромые ямбы») Гиппонакта * и басни Эзона, литературная обработка которых датируется VI веком

* Гиппонакт — ионийский поэт, живший во второй половине VI века до н. э. Он первый видоизменил классический («Архиловский») шестистопный ямб, употребляя в последней стопе вместо ямба (— —) спондей (— —). Стих от этой замены как бы начал «хромать» (отсюда и название «хромые ямбы» — хромые ямбы); это создавало неожиданный комический эффект; размером этим охотно пользовались в сатире и пародиях.

до н. э. * Пигрет в отношении к гекзаметрам исполняет ту же литературную функцию, какую в отношении к ямбам исполняет Гиппонакт. Оба действуют одним и тем же оружием: один — против Гомера, другой — против Архилоха. Скучность сохранившихся отрывков из Гиппонакта не дает возможности проследить, как далеко простирается близость пародистов, но родство обоих «забавных жанров» вне сомнения. **

Еще более близким литературным сородичем нашего памятника является античная басня. В сущности говоря, и по фабуле своей и по действующим в ней животным персонажам «Война мышей и лягушек» может быть вполне отнесена к басням. Роднит ее с басней и общее литературное происхождение — животный эпос. О связи басен о животных с животным эпосом распространяться не приходится; но «Война мышей и лягушек» должна была иметь в животном эпосе свою «предисторию». Мы говорим «предисторию», а не историю, потому, что в самой греческой литературе мы не имеем достаточной древности памятника животного эпоса, хотя следы его существования и в устном фольклоре и в письменных памятниках весьма многочисленны. Не мало следов животного эпоса и в эпосе героическом. Специалисты-гомероведы уже давно обратили внимание на то, что огромное большинство сравнений в «Илиаде» и «Одиссее» почерпнуто из животного царства: уподобление боевых схваток героев схваткам животных, а самих героев диким зверям и домашним животным — самый обычный изобразительный прием в гомеровской поэтике. Уже вследствие столь частых уподоблений в гомеровском эпосе *героев животным* в пародии на этот эпос должно было возникнуть обратное соотношение: уподобление *животных героям*. Это тем более напрашивалось, что гомеровские сравнения весьма часто представляют собой совершенно законченные маленькие повествования, подлинные отрывки животного эпоса. Мы могли бы иллюстрировать это многочисленными примерами как из «Илиады», так и из «Одиссеи», но ограничимся хотя

* Зарядки античной басни существовали задолго до VI века. Уже у Гесиода они имеются в довольно развитом виде; но в качестве особого литературного жанра они должны быть датированы VI веком до н. э. Хотя греческие басни связываются с именем Эзопа (VI век до н. э.), но Эзоп, вероятнее всего, был только их пикантным рассказчиком, может быть, собирателем; творцом его не считала сама античность.

** По свидетельству древних писателей Гиппонакт пользовался для комических повествований не только ямбами, но и эпическими размерами.